

НАЧАЛО И ОКОНЧАНИЕ ОККУПАЦИИ

**Международно-правовые понятия, нормы, практика и
их применение в отношении оккупированных территорий
Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии**

**SOCIAL
JUSTICE
CENTER**

Начало и окончание оккупации

Международно-правовые понятия, нормы, практика и их применение в отношении оккупированных территорий Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии

Центр Социального Справедливости

2025

Исследователь: Саба Пипия

Редактор: Медея Имерлишвили

Дизайн обложки: Роланд Райки

Перевод на русский: Роланди Райки

Перевод на английский: Натия Надирадзе

Воспроизведение, тиражирование или распространение представленного здесь материала в коммерческих целях запрещено без письменного разрешения организации.

***Правила цитирования:** Центр Социального Справедливости, Саба Пипия, «Начало и окончание оккупации: международно-правовые понятия, нормы, практика и их применение в отношении оккупированных территорий Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии», 2025.*

© Центр Социального Справедливости

Адрес: ул. И. Абашидзе, 12Б, Тбилиси, Грузия

Тел: +995 032 2 23 37 06

<https://socialjustice.org.ge/>

info@socialjustice.org.ge

<https://www.facebook.com/socialjustice.org.ge>

1. Введение

1.1. Цели и применение работы

Настоящая статья посвящена международно-правовым аспектам установления оккупации, её хода и процесса деоккупации. В статье рассматриваются отдельные понятия и нормы права оккупации, а также вопросы их применения на практике. Данная дискуссия связана с определением и распространением международно-правового режима в отношении правового статуса оккупированных регионов Грузии.

Цель статьи — всесторонний анализ правовых элементов оккупации территории и их применение к территориям Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии. Исследование важно в том отношении, что оно рассматривает, поясняет и уточняет отдельные правовые аспекты, связанные с оккупацией территории, что может быть полезным для различных акторов, включая государственные органы, международные организации, организации гражданского общества, работающие над вопросами конфликта, экспертов в данной области, академические круги, а также для лиц, проживающих на оккупированных территориях, и вынужденно перемещённых лиц.

При использовании статьи важно отметить, что в ряде случаев исследование описывает правовые режимы, которые могут распространяться на отдельные ситуации оккупации, однако это может не всегда быть релевантным для оккупированных территорий Грузии, поскольку фактические обстоятельства не всегда позволяют применить конкретные концепции права оккупации в грузинской реальности.

1.2. Методология исследования

Пределы исследования ограничены исключительно обзором международного гуманитарного права (в частности, его подраздела — международного права оккупации) и не затрагивают международное право, связанное с применением силы. Соответственно, в работе не рассматриваются вопросы законности начала вооружённого конфликта или самой оккупации. Настоящая статья основывается на предположении, что оккупация территории является фактическим обстоятельством, при подтверждении которого начинает действовать специальный международно-правовой режим. Исходя из этого, при выборе методологии исследования содержание статьи было ограничено анализом отдельных норм международного права оккупации и их применением в контексте оккупированных территорий Грузии.

В ходе подготовки статьи использовались как академические источники, так и решения различных международных и национальных судов, международные соглашения, акты международных организаций, национальное законодательство Грузии и других государств, а также различные неправовые декларации официальных органов.

Методология статьи предполагает исключительно проведение юридического исследования, поэтому в работе отсутствует обсуждение социальных, экономических, политических или других измерений вооружённого конфликта.

2. Когда начинается оккупация территории

2.1. Понятие военной оккупации и ее основные признаки

В классическом понимании международного права оккупация имеет место только тогда, когда оккупационная сила непосредственно занимает определенную территорию, заменяет действующего суверена и устанавливает свое правление.¹ Однако возникает вопрос о том, какой уровень контроля должна осуществлять оккупационная сила на занятой территории для того, чтобы этот контроль считался военной оккупацией в понимании наиболее важного международно-правового источника по данному вопросу – Гаагских регуляций. Этот документ указывает, что оккупация распространяется только на ту территорию, на которой такое правление было установлено и может осуществляться. Из этого положения ясно, что для существования факта оккупации необходимо наличие двух кумулятивных условий: (1) установление оккупационной силой факта правления и (2) возможность осуществления этого правления оккупационной силой. Такого же подхода придерживается Международный суд, который устанавливает, что для того, чтобы какая-либо сторона считалась оккупационной силой, необходимо доказать, что эта сила установила правление на конкретной территории и осуществляет это правление.²

Как правило, оккупация имеет место, когда вооруженные силы одного государства вторгаются и устанавливают контроль над территорией, находящейся за пределами международно признанных границ этого государства.³ При этом такое установление военного контроля не должно быть разрешено территориальным государством.⁴ Выделяют четыре характерных признака, по которым можно не только установить факт оккупации, но и определить сферу действия права оккупации: (1) на территории присутствуют иностранные военные силы, размещение которых на этой территории не разрешено или не регулируется действующим соглашением, либо действия которых выходят за рамки согласованных условий; (2) эти военные силы свергли существующую систему государственного управления и администрирования и заменили ее своим военным управлением; (3) существует конфликт интересов между, с одной стороны, населением оккупированной территории, а с другой стороны, военной силой, контролирующей эту территорию; (4) существует очевидная практическая необходимость

¹ Convention (IV) respecting the Laws and Customs of War on Land and its annex: Regulations concerning the Laws and Customs of War on Land. The Hague, 18 October 1907, reg. 42,43.

² *Case concerning Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda)*, Judgment, ICJ Reports 2005, 173.

³ Roberts, A. 'What is a Military Occupation?' in *British Yearbook of International Law*, no.55, 1984, 300.

⁴ Kolb, R. 'Étude sur l'occupation et sur l'article 47 de la IVème Convention de Genève du 12 août 1949 relative à la protection des personnes civiles en temps de guerre: le degré d'intangibilité des droits en territoire occupé' in *African Yearbook of International Law*, vol.10, 2002, 279.

введения чрезвычайного режима для снижения риска эскалации конфликта между военной силой и местным населением.⁵

Международный уголовный трибунал для бывшей Югославии разработал условия, которые должны быть выполнены для подтверждения факта оккупации, а именно: (1) оккупирующая сила должна иметь возможность заменить местное правительство; (2) силы противника должны были сдаться, быть побеждены или отступить, соответственно, территории, занятые непосредственно в период боевых действий, не считаются оккупированными, при этом спорадические действия сопротивления на уже оккупированной территории не влияют на статус оккупации; (3) оккупирующая сила должна иметь достаточные военные силы, размещённые на оккупированной территории, или возможность в разумные сроки отправить туда войска, чтобы проявилось её правление; (4) на территории должна быть создана временная администрация; (5) оккупирующая сила должна была издать и привести в исполнение специальные правовые акты в отношении гражданского населения оккупированной территории.⁶

Как правило, **оккупация может быть лишь результатом международного вооружённого конфликта**. Это подтверждается хотя бы тем фактом, что в соответствии с международным гуманитарным правом военная оккупация территории приравнивается к войне между государствами.⁷

- **Классическое понимание оккупации согласно Гаагским регуляциям**

Как отмечено, для определения факта оккупации необходимо, чтобы спорная территория находилась под эффективным контролем противостоящей стороны. Однако не обязательно, чтобы оккупирующая сила обладала абсолютным эффективным контролем над всеми частями занятой территории. Основным критерием является то, что оккупирующая сила осуществляет эффективное администрирование этой территории. Несмотря на то, что организованные движения сопротивления могут периодически контролировать часть оккупированной территории, это не меняет общей картины, и оккупация при этом не прекращается. Для оккупации ключевым фактором является установление военной администрации на территории и изгнание местного суверена.⁸

Кратковременная и небольшая потеря контроля оккупационной силой не может повлиять на статус оккупации.⁹ Однако если возобновление вооружённых действий между оккупационной силой и местными силами носит настолько широкомасштабный и продолжительный характер,

⁵ Roberts (n **Error! Bookmark not defined.**) 300-301.

⁶ ICTY, *Prosecutor v. Naletilic and Martinovic*, judgment of trial chamber IT-98-34, 31 (2003), 217.

⁷ Convention (IV) relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War. Geneva, 12 August 1949, art.2, commentaries (1958).

⁸ IMT, *Trial of Wilhelm List and Others (Hostages trial)* 1947-1948. section IX in Law Reports of Trials of War Criminals, vol.VIII, London, 1949.

⁹ Roberts, A. 'The End of Occupation: Iraq 2004' in *The International and Comparative Law Quarterly*, vol.54, no.1, 2005, 34.

что может привести к единому изменению статуса оккупации, в таком случае оккупация может прекратиться.

Эффективный контроль обычно определяется как фактическое положение, состоящее из трех основных элементов, все из которых должны присутствовать для установления такого контроля:

- Иностранные силы находятся на занятой территории без согласия местной власти;
- Эти иностранные силы могут осуществлять управление (это включает как военный контроль, так и управление гражданскими делами) на занятой территории; и
- Местная власть не может осуществлять свои полномочия, поскольку она заменена военной администрацией оккупационной силы.

Согласно рассматриваемой трехмерной модели, для установления контроля над территорией достаточно наличия у вражеских сил возможности осуществлять такой контроль, независимо от того, осуществляется ли он на практике. Вместе с тем, существует дискуссия о том, какой уровень контроля необходим для удовлетворения данного критерия, поскольку эффективное управление территорией может быть осуществлено и без размещения на ней военных.

Поскольку все три составляющих элемента теста на эффективный контроль являются кумулятивными условиями, это означает, что в тот момент, когда одно из этих необходимых условий перестает выполняться, оккупация прекращается. Однако, несмотря на то, что присутствие вооруженных сил на оккупированной территории является предпосылкой для начала оккупации, оно не является существенным для ее продолжения. Даже если иностранное государство вывело свои вооруженные силы с оккупированной территории и у него больше нет там размещенных военных (так называемые "boots on the ground"), это не означает автоматического прекращения оккупации, поскольку эффективный контроль может фактически продолжаться.¹⁰ Если оккупационная сила сохраняет контроль над занятой территорией, даже находясь за ее пределами, это означает, что состояние оккупации не прекратилось. Пока государство имеет возможность направить свои войска в разумные сроки, и его управление ощущается на территории, оно сохраняет необходимый контроль и остается оккупационной силой.¹¹

Именно поэтому на практике и в теории сформировалось несколько вариантов понимания эффективного контроля, необходимых для установления факта оккупации, которые рассматриваются в следующих подразделах.

¹⁰ See U.S. Military Tribunal at Nuremberg, *USA v. Wilhelm List* [The Hostages Case], reprinted in *Law Reports of Trials Of War Criminals*, Vol. VIII, 1949, p. 56; ICTY, *Prosecutor v Naletilić & Martinović*, Trial Judgment, IT-98-34, 31 March 2003, para. 217. See also ICRC, *Commentary on the First Geneva Convention*, 2016, paras 307–309. March 2003, para. 217. See also ICRC, *Commentary on the First Geneva Convention*, 2016, paras 307–309.

¹¹ *Naletilić & Martinović* (n **Error! Bookmark not defined.**).

Классическим примером эффективного контроля является, например, большая часть оккупированной палестинской территории, Западного берега (так называемая зона С)¹², где израильское военное командование установило полный контроль и где также размещены израильские силы.

- **Новые интерпретации теста эффективного контроля**
 - (а) **Дистанционный контроль**

Эффективный контроль может выражаться в так называемом "дистанционном контроле".¹³ Дистанционный контроль не исключает создания оккупационной силой администрации на оккупированной территории, а скорее дополняет принцип осуществления оккупационной силой "власти". Таким образом, дистанционный контроль предполагает ситуацию, когда оккупационная сила контролирует гражданское население и осуществляет администрацию занятой территории, но при этом не имеет военных сил на всех или на какой-либо части территории, однако имеет возможность в любое необходимое время в разумные сроки разместить войска на данной территории для ощущения управления оккупационной силой.

Некоторые ученые выделяют также так называемый тест "потенциального контроля", который является одним из вариантов дистанционного контроля. Согласно этому подходу, не обязательно, чтобы оккупационная сила фактически контролировала гражданское население, проживающее на занятой территории. Достаточно, чтобы оккупационная сила контролировала территорию и имела потенциал контролировать население в любое время.¹⁴

(b) **Операционный контроль**

Понятие операционного контроля является новым в праве оккупации, и пока неясно, насколько оно относится к правовой категории. Этот термин впервые был использован израильскими вооруженными силами в мае 2024 года в связи с занятием южного приграничного коридора сектора Газа.¹⁵

Как объясняли израильтяне, они заняли эту территорию, но не исключили возможность ее использования вооруженными группировками в Газе, однако таким образом, чтобы это не препятствовало проведению Израилем военных операций. Такой уровень контроля они назвали

¹² В рамках мирных переговоров между Палестинской автономией и Израилем, в результате которых были достигнуты так называемые Ословские соглашения, Западный берег был разделен на три зоны: А, В и С. Зона А: Была передана под гражданскую администрацию и полицейские силы Палестинской автономии. Зона В: Гражданская администрация осуществлялась Палестинской автономией, однако контроль за безопасностью осуществляли израильские силы. Зона С: Охватывает почти 60% территории Западного берега и находится под полным контролем Израиля.

¹³ Yoram Dinstein, *The International Law of Belligerent Occupation*, (Cambridge University Press, 2019) 50.

¹⁴ Eyal Benvenisti, *The International Law of Occupation*, (Oxford University Press, 2nd ed, 2012) chapter 3.1.1.

¹⁵ 'Israel in effective control of entire Gaza land border after taking Philadelphi Corridor in south' (*The Guardian*) available at <https://www.theguardian.com/world/article/2024/may/30/israel-idf-philadelphia-corridor-rafah-gaza-control-palestine-war-hamas> Все онлайн-ресурсы были просмотрены 1 декабря 2024 года.

"операционным контролем". Однако, как отмечалось, эта концепция является новой для правового пространства, и дать более подробные комментарии на данный момент невозможно.

(с) Функциональный контроль

В контексте определения уровня контроля, необходимого для установления факта оккупации, более прагматичный подход представляет собой так называемый "функциональный подход" к оккупации. Согласно этому подходу, статус иностранного государства как оккупирующей силы, а также объём его обязательств, зависят от типа и степени контроля, который оно осуществляет.¹⁶ С этой точки зрения, государство обязано соблюдать хотя бы часть норм права оккупации, как только оно получает определённый контроль над территориями или населением другого государства, даже если этот контроль не позволяет ему выполнять все правила права оккупации. В таком случае оккупирующая сила связана нормами права оккупации только в отношении тех вопросов или сфер жизни, над которыми она имеет контроль. Это означает, что применение некоторых правил права оккупации зависит от объёма контроля, который иностранное государство осуществляет при временном администрировании оккупированной территории.

Наиболее ярким примером функционального подхода является оккупация сектора Газа Израилем до 7 октября 2023 года, когда между Израилем и вооружёнными группировками в Газе начался крупномасштабный вооружённый конфликт. До этого момента Израиль не присутствовал в секторе Газа в виде военных сил, однако контролировал определённые сферы гражданской жизни, такие как гражданский реестр, пограничный контроль, экспорт-импорт, поставки электроэнергии и других видов энергии. Соответственно, в отношении этих сфер Израиль нес обязательства, аналогичные обязательствам оккупирующей силы. Однако в других сферах, таких как образование, которое администрировалось де-факто правительством Газы, Израиль не имел обязательств в рамках права оккупации.

(d) Контроль через прокси-режимы

В некоторых случаях территориальный контроль осуществляется оккупационной силой не напрямую, а через прокси-правительство или местные органы власти, находящиеся под её влиянием. Однако трудно определить степень контроля, которой должен подчиняться субъект, чтобы можно было говорить об оккупации, поскольку любое вмешательство в дела другого государства не обязательно означает оккупацию.¹⁷ Трибунал по бывшей Югославии в своих решениях применяет так называемый тест «общего контроля» для определения факта оккупации. В частности, в рамках юрисдикции трибунала оккупация имеет место даже тогда, когда одно

¹⁶ ICRC, *Commentary on the First Geneva Convention*, 2016, para. 310; UN Human Rights Council, 'Report of the Detailed Findings of the Independent International Commission of Inquiry on the Protests in the Occupied Palestinian Territory', A/HRC/40/CRP.2, 2019, para. 67. See also for instance Marco Sassòli, 'The Concept and the Beginning of Occupation' in Andrew Clapham, Paola Gaeta and Marco Sassòli (eds), *The 1949 Geneva Conventions: A Commentary*, (Oxford University Press, 2015) paras. 47–51; Aeyal Gross, *The Writing on the Wall*, (Cambridge University Press, 2017) 133–135.

¹⁷ Sylvain Vite 'Typology of armed conflicts in international humanitarian law: legal concepts and actual situations' in *International Review of the Red Cross*, Volume 91 Number 873 March 2009, 74.

государство осуществляет «общий» контроль над местными силами, которые фактически обеспечивают «эффективный» контроль над спорной территорией.¹⁸

Как правило, оккупация может быть только следствием международного вооруженного конфликта. Это подтверждается тем, что, согласно международному гуманитарному праву, военная оккупация территории приравнивается к состоянию войны между государствами.¹⁹ Однако существуют случаи, когда в ходе немеждународного вооруженного конфликта вооруженная группа получает преимущество, устанавливает эффективный контроль над определённой территорией, затем образует сепаратистское правительство и распространяет на этой территории свою де-факто законодательную систему. Ярким примером такого сценария являются территории Грузии, вышедшие из-под её фактического контроля, — Абхазия и Цхинвальский регион/Южная Осетия.²⁰ Тем не менее такая ситуация может считаться военной оккупацией только в том случае, если соответствующий де-факто режим находится под «общим» контролем какого-либо государства. В случае Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии таким государством является Российская Федерация. Следует отметить, что оккупантом считается государство, осуществляющее общий контроль над марионеточным правительством, хотя последнее также может нести ответственность в соответствии с международным правом в области прав человека. Ситуация оккупации Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии подробно рассматривается в последующих частях статьи.

В некоторых случаях оккупирующая сила пытается посредством легитимации искусственно созданных правительств получить от них формальное согласие на администрирование территории и затем освободиться от обязательств оккупанта. Российская Федерация признала односторонне провозглашённую независимость Абхазии и Цхинвальского региона²¹ и рассматривает их как суверенные государства, которые дали согласие на размещение на своей территории российской регулярной армии. Однако в этой связи следует отметить, что согласно международному гуманитарному праву действие норм, регулирующих военную оккупацию (в частности, соответствующие положения Женевской конвенции IV), продолжается, несмотря на любые изменения, вызванные соглашением, достигнутым между оккупирующей стороной и де-факто правительством оккупированной территории.²² При рассмотрении каждого такого случая необходимо установить характер отношений между правителем и управляемым, а не юридические характеристики.²³ То есть внимание должно быть уделено тому, осуществляет ли предполагаемая оккупирующая сила общий контроль над марионеточным режимом, который, в свою очередь, эффективно контролирует часть территории, де-факто отделившуюся от родительского государства; соответственно, тот факт, что какое-либо соглашение между этими

¹⁸ ICTY, *Prosecutor v Blaskic*, Trial judgment, IT-95-14, para.149.

¹⁹ GC IV (n **Error! Bookmark not defined.**), art.2, commentaries (1958).

²⁰ Benvenisti (n **Error! Bookmark not defined.**) 62.

²¹ For details see: Slomanson, W.R. 'Palestinian Statehood: a Secessionist Dialogue' in *Miskolc Journal of International Law*, vol.8, no.1.

²² GC IV (n **Error! Bookmark not defined.**), art.47.

²³ ICTY, *Prosecutor v Tadic (I)* trial chamber, IT-94-1, para.168.

двумя субъектами может изменить правовой статус де-факто правителя, нерелевантен с точки зрения распространения права оккупации, поскольку незаконные акты оккупирующей державы недействительны и не порождают никаких правовых последствий согласно международному праву.

Позже Международный трибунал по бывшей Югославии,²⁴ а также Международный Суд,²⁵ для установления факта оккупации третьим государством через прокси-режим руководствовались более высоким стандартом и посчитали, что необходимо наличие «эффективного контроля» прокси-режимов со стороны третьего государства, чтобы территория, занимаемая этими режимами, считалась оккупированной этим третьим государством.

Оккупация через прокси-режимы не является стандартным примером оккупации, поэтому её установление связано со множеством трудностей. Каждый предполагаемый случай оккупации должен рассматриваться в контексте конкретных обстоятельств. В первую очередь необходимо определить, осуществляет ли прокси-правительство эффективный контроль над всей или частью территории родительского государства. Далее следует установить степень контроля предполагаемого оккупанта над местным де-факто правительством. Если имеет место эффективный контроль, государство, осуществляющее этот контроль, будет считаться оккупационной силой. На него распространятся все права и обязанности, предусмотренные правом оккупации, а де-факто режим может рассматриваться как одно из звеньев оккупационного управления. Если же будет установлено, что предполагаемое оккупирующее государство лишь в целом контролирует марионеточный режим, это, скорее всего, означает, что данное государство лишено возможности непосредственно управлять спорной территорией. Согласно Гаагским регуляциям, это является обязательным условием для признания факта оккупации.²⁶ Однако оккупация может быть признана даже при общем контроле, если на спорной территории размещены войска третьего государства без согласия местного государства, и эти войска имеют возможность осуществлять управление и контроль над занятой территорией в обход де-факто правительства. В таком случае нет необходимости устанавливать, находится ли местный де-факто режим под эффективным контролем центрального правительства оккупанта. Поскольку размещённые войска сами способны осуществлять власть, спорная территория будет считаться оккупированной, а государство, отправившее войска, — оккупантом.

Разница между общим и эффективным контролем

Когда речь идет о контроле одного государства над лицами, находящимися и действующими в другом государстве, различают два стандарта контроля: **эффективный контроль** (это не подразумевает контроль государства над территорией другого государства) и **общий контроль**. Стандарт эффективного контроля подразумевает, что лицо или группа лиц действует по инструкциям, прямым приказам и под контролем другого государства и таким образом осуществляет все действия, которые спланированы, скоординированы и осуществляются по

²⁴ *Naletilic and Martinovic*, (n **Error! Bookmark not defined.**) para.214.

²⁵ *Armed Activities case*, (n **Error! Bookmark not defined.**) paras.160-177.

²⁶ Hague Regulations, (n **Error! Bookmark not defined.**) art.42.

согласованию с другим государством. Общий контроль означает, что государство финансирует, обучает и снабжает группы лиц в другом государстве, но не участвует в планировании и осуществлении операций этой группы лиц.²⁷ Для установления факта оккупации, как правило, достаточно установить, что одно государство в целом контролирует группы лиц в другом государстве, и эти лица эффективно контролируют определенную территорию в этом государстве.

Самые яркие примеры оккупации через прокси-режимы — это Турецкая Республика Северного Кипра, которая контролирует часть острова Кипр, а непосредственно это образование контролируется Турцией; также Приднестровская Республика, которая контролирует сепаратистский регион Молдовы, и ее де-факто правительство находится под эффективным контролем России. То же самое можно сказать о регионе Донбасса, где две самопровозглашенные республики контролировали территорию, а эффективный контроль над этими так называемыми республиками был установлен Россией, пока она путем односторонней аннексии фактически не присоединила эти территории.

2.2 Оккупация и недопустимость аннексии

Аннексия — это ситуация, при которой государство на основании одностороннего законодательного или административного акта распространяет свой суверенитет на всю территорию другого государства или на её часть. Этот односторонний акт, как правило, подразумевает захват территории с применением силы (или угрозой применения силы). Это может быть де-юре или де-факто аннексия. В международном праве аннексия рассматривается как акт агрессии, который запрещён и является международно-противоправным деянием.²⁸ Она может произойти, когда оккупационная сила полностью или частично присоединяет оккупированную территорию к своей суверенной территории. С точки зрения международного гуманитарного права, аннексия оккупированной территории является недействительной — территория остаётся оккупированной, а оккупационная сила обязана продолжать выполнять все обязательства, предусмотренные правом оккупации.²⁹

Оккупация по своей сути носит временный характер и, как правило, рассчитана на временные последствия. Исходя из этого принципа, изгнанное правительство сохраняет свой суверенитет и юрисдикцию над оккупированной территорией. Соответственно, полномочия оккупационной силы существенно ограничены: она обязана поддерживать статус-кво анте.³⁰ Тем не менее, это

²⁷ Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries 2001. Text adopted by the International Law Commission at its fifty-third session, in 2001, and submitted to the General Assembly as a part of the Commission's report covering the work of that session (A/56/10). The report, which also contains commentaries on the draft articles, appears in the Yearbook of the International Law Commission, 2001, vol. II, Part Two, as corrected, 47-49.

²⁸ See *ibid.* Commentary to Arts. 40, 41, ILC Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, 2001.

²⁹ GC IV (n **Error! Bookmark not defined.**) art. 47.

³⁰ Hanne Cuyckens, *Revisiting the Law of Occupation*, (Brill/Nijhoff, 2018) 72-73.

не исключает возможности внесения оккупационной силой определённых изменений, которые необходимы для благополучия населения оккупированной территории или для военных нужд оккупационных войск. Подобные меры по своей природе не должны быть постоянными и не должны изменять статус-кво. Верховный суд Израиля разъяснил, какие изменения допустимы на оккупированных территориях. Он подчеркнул, что оккупационная сила должна учитывать как военные интересы, так и интересы местного гражданского населения, принимая любые решения, но никогда не должна ставить во главу угла национальные, экономические или социальные интересы собственного государства.³¹ В противном случае такие изменения рассматриваются как действия, направленные на аннексию. Аннексия также может быть инициирована через изменения, которые представлены как временные, но по своей сути рассчитаны на долгосрочные последствия. Например, Международный суд ООН постановил, что, хотя строительство так называемой "стены безопасности" на палестинских территориях Израилем рассматривалось как временная мера, её возведение и сопутствующий режим создавали необратимые обстоятельства (*fait accompli*), что было квалифицировано как аннексия и нарушение международного права.³²

Самые яркие примеры аннексии — это присоединение Израилем Восточного Иерусалима и объявление его столицей государства Израиль,³³ а также аннексия Российской Федерацией Крыма в 2014 году³⁴ и, позднее, одностороннее присоединение четырех областей суверенной территории Украины — Донецкой, Луганской, Запорожской и Херсонской.³⁵

Следует отметить, что действия Израиля, Российской Федерации или других государств, направленные на одностороннее присоединение суверенной территории другого государства, не имеют никаких юридических последствий. Аннексированная территория не считается территорией государства-агрессора, если это не произошло в результате взаимного соглашения. В противном случае такая территория считается оккупированной, а законность всех действий оккупационной силы определяется в рамках норм, действующих в международном праве оккупации. Важно подчеркнуть, что в случае аннексии международный правовой режим, применимый к территории, не изменяется — продолжают действовать нормы международного права оккупации.

³¹ HCJ 393/82 *Jam'iat Iscan Al-Ma'almoun v. IDF Commander in the Judea and Samaria Area* – Judgment. Available < <https://hamoked.org/document.php?dID=160> >

³² *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004*, p. 136, para. 121.

³³ Basic Law of Israel - Jerusalem Capital of Israel. Passed by the Knesset on the 17th Av, 5740 (30th July, 1980) and published in Sefer Ha-Chukkim No. 980 of the 23rd Av, 5740 (5th August, 1980).

³⁴ 'Agreement on the accession of the Republic of Crimea to the Russian Federation signed' (*The President of Russia*, March 18, 2014) available at <<http://en.kremlin.ru/events/president/news/20604>>.

³⁵ 'Signing of treaties on accession of Donetsk and Lugansk people's republics and Zaporozhye and Kherson regions to Russia' (*The President of Russia*, September 30, 2022) available at <<http://www.en.kremlin.ru/events/president/transcripts/69465>>.

3. С какого времени территории Абхазии и Южной Осетии считаются оккупированными?

3.1. Действия Российской Федерации в Абхазии и Южной Осетии до 2008 года

После провозглашения Грузией независимости от Советского Союза началась напряженность и вооруженные конфликты в Южной Осетии и Абхазии. Эти конфликты привели к гибели тысяч людей, вынужденному перемещению десятков тысяч человек и созданию политически нестабильной ситуации. В результате обе территории оказались под фактическим управлением сепаратистских правительств, которые не находились под контролем центральных властей Грузии.

Южная Осетия официально объявила независимость от Грузии в 1991–1992 годах после вооруженного конфликта между грузинскими силами и сепаратистами Южной Осетии. Конфликт завершился летом 1992 года, когда стороны договорились о размещении совместных миротворческих сил, состоявших из российских военных.

Аналогично, после вооруженного конфликта в 1992–1994 годах Абхазия объявила о своей независимости, приняв Конституцию в 1994 году, а затем официально в 1999 году. Грузино-абхазский конфликт завершился в 1994 году подписанием так называемого Московского соглашения, которое также предусматривало размещение миротворческих сил СНГ (международной организации, фактически функционирующей под доминацией России).³⁶

С 1993 по 2008 год на международном уровне ни один из акторов (включая Россию) не ставил под сомнение статус Абхазии и Южной Осетии как неотъемлемой части суверенной территории Грузии. Резолюции Совета Безопасности ООН (UNSC) признавали эти территории частью Грузии, подчеркивая ее суверенитет и территориальную целостность.³⁷

Таким образом, по меньшей мере до вооруженного конфликта 2008 года вопрос признания территорий Абхазии и Южной Осетии оккупированными не поднимался. Во-первых, Российская Федерация сама признавала эти территории неотъемлемой частью Грузии, а ее силы были размещены там с согласия Грузии в рамках миротворческого контингента. Во-вторых, отсутствовали убедительные доказательства общего или эффективного контроля Российской Федерации над сепаратистскими режимами в Абхазии и Южной Осетии. Несмотря на высокую вероятность такого контроля, юридически для признания факта оккупации третьим государством через прокси-режимы требуются веские доказательства.

Однако, даже без явной демонстрации контроля Россией над сепаратистскими регионами, ее действия до 2008 года всячески указывали на усиление контроля как над де-факто институтами, так и над населением. Ярким примером этого можно считать практику так называемой "паспортизации", посредством которой Российская Федерация искусственно

³⁶ 'Military occupation of Georgia by Russia' (*Rule of Law in Armed Conflict – RULAC*) available at <<https://www.rulac.org/browse/conflicts/military-occupation-of-georgia-by-russia#collapse1accord>>.

³⁷ See eg: UNSC, [S/Res/849 \(1993\)](#), 9 July 1993, preamble §2; UNSC, [S/Res/876 \(1993\)](#), 19 October 1993, §1; UNSC, [S/Res/1808 \(2008\)](#), §1.

увеличила число своих граждан в Абхазии и Южной Осетии, предлагая местным жителям упрощенное получение российского гражданства. Масштабная паспортизация, а также назначение бывших российских высокопоставленных чиновников на определенные политические должности в Абхазии и Южной Осетии были оценены независимой комиссией ЕС по установлению фактов (так называемой комиссией Тальявини) как "ползучая аннексия", которая началась до 2008 года.³⁸

Ситуация до 2008 года и вопрос контроля

Еще до начала активных вооруженных действий Российская Федерация уже была вовлечена в поддержание и укрепление своего влияния в Абхазии и Цхинвальском регионе/Южной Осетии невоенными средствами. Это осуществлялось по следующим направлениям:

Военная помощь - Уже на ранних этапах конфликта, в период активных военных действий, с высокой вероятностью Российская Федерация, как минимум, снабжала оружием вооруженные группировки, сражавшиеся в Абхазии.³⁹ Кроме того, закрытие военной базы в Гудауте не подтверждалось ни одним независимым актором.⁴⁰ Также миротворческие силы России, размещенные в рамках мандата СНГ (около 3000 военнослужащих), вызывали у Грузии опасения в их беспристрастности и миротворческом характере.⁴¹

Паспортизация - С 2002 года Россия активно начала предоставлять гражданство жителям Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии по упрощенной процедуре.⁴² Политика так называемой "паспортизации" достигла такого масштаба, что к 2007 году большинство населения Абхазии имело российское гражданство.⁴³ Считается, что масштабное предоставление гражданства жителям Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии нарушает основные принципы международного права и является незаконным.⁴⁴

Экономическое и иное влияние - На многие ответственные должности в Абхазии и Цхинвальском регионе/Южной Осетии назначались действующие или бывшие гражданские и военные чиновники Российской Федерации, что расценивается как пример "ползучей аннексии".⁴⁵ Экономика Абхазии стала полностью зависимой от России, в которую поступали

³⁸ Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia, Volume II, September 2009, 18-19.

³⁹ SECOND SECTION, CASE OF MAMASAKHLISI AND OTHERS v. GEORGIA AND RUSSIA, (Application nos. [29999/04](#) and [41424/04](#)), JUDGMENT, STRASBOURG, 7 March 2023, FINAL, 07/06/2023, para. 323.

⁴⁰ Ibid, para. 327.

⁴¹ Ibid, para. 325-326.

⁴² Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia, (n **Error! Bookmark not defined.**) 147.

⁴³ Ibid, para. 330.

⁴⁴ Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia, (n **Error! Bookmark not defined.**) chapter III.

⁴⁵ Ibid, 19.

исключительно российские инвестиции. Кроме того, Россия выплачивала пенсии жителям Абхазии.⁴⁶

На основании этого Европейский суд по правам человека в деле *"Мамасакхлиси и другие против Грузии и России"* постановил, что Российская Федерация обладала эффективным контролем над Абхазией уже до периода вооруженного конфликта 2008 года.⁴⁷

Однако, как уже было отмечено, установление эффективного контроля над территорией и населением для целей прав человека не означает автоматически признание этой территории оккупированной в понимании международного гуманитарного права. Тем не менее представленные данные и доказательства указывают на то, что Российская Федерация еще до 2008 года имела, как минимум, общий контроль над де-факто институтами Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии. Это является достаточным основанием для признания России оккупирующей силой на этих территориях. Однако до 2008 года сама Грузия никогда не рассматривала российское влияние на эти территории в контексте их военной оккупации.

3.2. На каком правовом основании устанавливается оккупация территорий Грузии Российской Федерацией?

(а) Абхазия

На основании соглашения между Россией и Абхазией от 2010 года (действующего в течение 49 лет, после чего оно автоматически продлевается каждые пятнадцать лет), Россия разместила военную базу в Абхазии, в Гудауте.⁴⁸ В деле «Грузия против России (II)» Россия сама признала создание этой военной базы в 2010 году после подписания соглашения с Абхазией и заявила, что там размещены военный персонал и военная техника.⁴⁹ Согласно другому договору, заключенному между Россией и Абхазией в 2009 году, Россия также помогает Абхазии в охране и патрулировании так называемой «административной границы» с Грузией.⁵⁰

По данным Международной кризисной группы,⁵¹ после вооруженного конфликта 2008 года Российская Федерация значительно увеличила свое военное присутствие в Абхазии. Она разместила 5000 человек, из которых 3500 составляли военные, а 1500 – сотрудники Федеральной службы безопасности. В последующие после войны годы Россия также потратила 465 миллионов

⁴⁶ Ibid, p. 18-19.

⁴⁷ (n **Error! Bookmark not defined.**). Para 339

⁴⁸ 'Russia Gains Military Base in Abkhazia' (*Radio Free Europe/Radio Liberty*, 17 February 2010) available at <https://www.rferl.org/a/Russia_Gains_Military_Base_In_Abkhazia/1960545.html>.

⁴⁹ ECtHR, *Georgia v Russia (II)*, Grand Chamber, Judgment, App no 38263/08, 21 January 2021, paras. 150, 165.

⁵⁰ 'Russia Steps Up Cooperation With Breakaway Georgian Regions' (*Radio Free Europe/Radio Liberty*, 30 April 2009) available

<https://www.rferl.org/a/Russia_Steps_Up_Cooperation_With_Breakaway_Georgian_Regions/1619281.html>;

'Abkhazia: Deepening Dependence' (*International Crisis Group*) Report No 202, 26 February 2010, 4; *Georgia v Russia (II)*, (n **Error! Bookmark not defined.**) para. 172.

⁵¹ Abkhazia: The Long Road to Reconciliation' (*International Crisis Group*) Report No 224, 10 April 2013, 3-6.

долларов США на обустройство и модернизацию военной инфраструктуры в Абхазии, что также включало реабилитацию военного аэродрома «Бомбора» в Гудауте, где к 2012 году базировались четыре боевых самолета.

Россия также ввела в эксплуатацию морской порт Очамчире, где разместила восемь патрульных кораблей. Она также взяла под свой контроль сухопутный пограничный контроль Абхазии. Для военного персонала и членов их семей был построен жилой комплекс с необходимой инфраструктурой.

Так называемое «Соглашение» о союзе и стратегическом партнерстве, подписанное между Россией и Абхазией 24 ноября 2014 года, направлено на включение региона в российское военное, экономическое, социальное и правовое пространство, а также на создание общего пространства безопасности и обороны.⁵² Это соглашение предусматривает двусторонний пакт о взаимной обороне и подразумевает создание объединенной группировки вооруженных сил для отражения агрессии. С этой целью в 2015 году между Россией и Абхазией было заключено отдельное соглашение. Это соглашение предусматривает совместное проведение военных учений и устанавливает, что «объединенная группировка вооруженных сил состоит из объединенной российской военной базы, расположенной на территории Абхазии, в качестве российского компонента, и двух мотострелковых батальонов, артиллерийской группы и авиационной группы, а также отряда специального назначения, в качестве абхазской составной части».⁵³

Соглашение между Россией и де-факто правительством Абхазии от 2014 года «О союзе и стратегическом партнерстве» включает взаимные обязательства почти во всех аспектах общественной, политической и экономической жизни.⁵⁴ В частности, согласно документу, стороны:

- координируют внутреннюю и внешнюю политику;
- создают единое пространство обороны и безопасности;
- создают единое социальное и экономическое пространство;
- учитывают необходимость социально-экономического развития Абхазии;
- создают условия для вовлечения Абхазии в интеграционные процессы на постсоветском пространстве по инициативе Российской Федерации и/или в сотрудничестве с ней;
- поддерживают совместные культурные, духовные и гуманитарные связи.

⁵² 'Moscow, Sokhumi Sign Treaty on "Alliance and Strategic Partnership"', (*Civil.Ge Daily News Online*, 24 November 2014) available at <<https://civil.ge/archives/124178>>. See also Annyssa Bellal (ed), *The War Report. Armed Conflict in 2014*, (Oxford University Press, 2015) 85.

⁵³ 'Law on Ratification of Russia-Abkhazia Agreement on Joint Group of Forces', (*The President of Russia*, 21 November 2016) available at <<http://en.kremlin.ru/acts/news/53291>>; 'Russian Parliament Ratifies Agreement on Joint Russia-Abkhazia Group of Forces', (*TASS*, 2 November 2016) available at <<https://tass.com/defense/910201>>.

⁵⁴ Договор Между Республикой Абхазия И Российской Федерацией О Союзничестве И Стратегическом Партнерстве (Сочи, 24 Ноября 2014 Года) <<https://invest.apsny.land/images/pdf/dogovor-mezhdu-respublikoy-abkhaziya-i-rossiyskoy-federatsiyey-o-soyuznichestve-i-strategicheskom-par.pdf>>.

Так называемое «соглашение» заключено сроком на 10 лет и автоматически продлевается на пять лет, если ни одна из сторон не заявит в письменной форме о своем желании выйти из соглашения не позднее чем за шесть месяцев до истечения срока его действия.⁵⁵

В отличие от Южной Осетии, в Абхазии меньшее количество граждан России занимает высокие военные должности и должности в сфере безопасности, за некоторыми заметными исключениями. Практически все население Абхазии имеет российское гражданство.⁵⁶ Европейский суд по правам человека сослался на различные отчеты, содержащие информацию об отношениях между Российской Федерацией и Абхазией не только в экономическом и финансовом, но и в военном и политическом плане.⁵⁷

В апреле 2022 года лидеры Абхазии подчеркнули, что они по-прежнему намерены двигаться к признанию независимости сепаратистского региона, в то время как в Южной Осетии обсуждали возможную аннексию Россией.

В целом, Россия осуществляет оккупацию Абхазии посредством своего прямого военного присутствия, подкрепленного серией соглашений с сепаратистским образованием. По данным Международной кризисной группы, «учитывая ее [России] контроль над „границами“, дорогами и морем Абхазии, России не нужно сильное постоянное присутствие, поскольку она может вводить и выводить военную технику и войска по своему усмотрению».⁵⁸ Местные сепаратистские вооруженные группировки также могут рассматриваться как марионетки России, учитывая высокий уровень координации с российскими вооруженными силами и военную и финансовую поддержку со стороны России, что указывает на общий контроль России над прокси-режимом.

Соответственно, территория Абхазии в соответствии с международным правом будет считаться оккупированной Россией, прежде всего, из-за военного присутствия, которое осуществляется без согласия Грузии, а также из-за тесных связей с де-факто правительством Абхазии, что указывает на общий (возможно, эффективный) контроль России над этим режимом.

(b) Цхинвальский регион/Южная Осетия

С 2008 года Россия разместила значительные военные силы в Южной Осетии. В деле «Грузия против России (II)» Россия признала наличие своего военного присутствия в Южной Осетии после прекращения боевых действий, а также факт создания совместной военной базы с 23 августа 2008 года.⁵⁹ В настоящее время, на основании соглашения с Южной Осетией, Россия

⁵⁵ Там же, статья 23.

⁵⁶ 'Back to the USSR: Putin and the new Cold War', (*The Globe and Mail*, 16 March 2018), available at <<https://www.theglobeandmail.com/world/article-back-to-the-ussr-putin-and-the-new-cold-war>>; 'Abkhazia: Deepening Dependence', (n **Error! Bookmark not defined.**).

⁵⁷ *Georgia v Russia (II)*, (n **Error! Bookmark not defined.**) paras. 167, 166, 168, 174.

⁵⁸ 'Abkhazia: The Long Road to Reconciliation' (n **Error! Bookmark not defined.**).

⁵⁹ *Georgia v Russia (II)*, (n **Error! Bookmark not defined.**) paras. 165 and 150.

управляет военной базой в Цхинвали, где, среди прочего вооружения, размещены тактические ракеты и системы противоракетной обороны.⁶⁰

На военной базе, созданной Россией в Южной Осетии в 2010 году, было размещено 3 285 военных и 305 единиц военной техники.⁶¹ По другим данным, после войны 2008 года Россия открыла постоянную военную базу в Южной Осетии, на пяти разных локациях которой находилось до 5 000 военных.⁶²

Как и в Абхазии, Россия и Южная Осетия в 2009 году подписали соглашение, согласно которому Россия оказывает помощь Южной Осетии в патрулировании и охране так называемой административной границы с Грузией.⁶³ Российские войска также продолжают монтировать колючую проволоку вдоль административной границы между Южной Осетией и Грузией, а в некоторых случаях переносят административную линию разделения вглубь территорий, подконтрольных центральному правительству Грузии — этот процесс известен как «бордеризация».⁶⁴

Так называемое «Соглашение о союзе и интеграции», подписанное Россией и Южной Осетией в 2015 году, предусматривает формирование общего пространства безопасности и обороны, а также заключение двустороннего оборонительного пакта. Фактически, согласно соглашению, Россия обеспечивает защиту и безопасность Южной Осетии, включая её границы с Грузией.⁶⁵ В соответствии с этим соглашением, в 2017 году Россия и Южная Осетия подписали

⁶⁰ 'South Ossetia: The Burden of Recognition' (*International Crisis Group*, Report No 205, 7 June 2010) 7-8, available at <<https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/caucasus/south-ossetia-burden-recognition>>; 'Russia Expands Military Footprint Abroad with New Syria Base', (*Aljazeera*, 18 September 2015) available at <<http://america.aljazeera.com/articles/2015/9/18/russia-foreign-military-bases.html>>; 'Russian Military Bases Abroad: Facts and Details' (*Sputnik*, 7 October 2016) available at <<https://sputniknews.com/military/201610071046123220-russian-abroad-military-bases/>>.

⁶¹ *Georgia v Russia (II)*, (n **Error! Bookmark not defined.**) para. 150.

⁶² David L. Phillips, *Implementation Review: Six-Point Ceasefire Agreement Between Russia and Georgia*, (The National Committee on American Foreign Policy and Institute for the Study of Human Rights, August 2011) 10.

⁶³ 'Russia Steps Up Cooperation with Breakaway Georgian Regions' (n **Error! Bookmark not defined.**); 'South Ossetia: The Burden of Recognition' (n **Error! Bookmark not defined.**) 7; *Georgia v Russia (II)*, (n **Error! Bookmark not defined.**) para. 172.

⁶⁴ 'Georgia Accuses Russia of Violating International Law Over South Ossetia', (*The Guardian*, 14 July 2015), available at <<https://www.theguardian.com/world/2015/jul/14/georgia-accuses-russia-of-violating-international-law-over-south-ossetia>>; 'South Ossetia' (*Global Security*) available at <<https://www.globalsecurity.org/military/world/war/south-ossetia.htm>>; 'Georgia: Behind barbed wire: Human rights toll of "borderization" in Georgia' (*Amnesty International*) available at <<https://www.amnesty.org/en/documents/eur56/0581/2019/en/>>.

⁶⁵ 'Russia and South Ossetia to Sign Treaty on Alliance and Integration' (*TASS*, 18 March 2015) available at <<https://tass.com/russia/783474>>; M. Otashvili, *Russia's Quiet Annexation of South Ossetia* (Foreign Policy Research Institute, 11 April 2017).

межправительственное соглашение, допускающее интеграцию некоторых военных подразделений Южной Осетии в состав Вооружённых сил Российской Федерации.⁶⁶

Так называемое «Соглашение о союзе и интеграции» 2015 года между Россией и де-факто правительством Южной Осетии практически идентично аналогичному соглашению с Абхазией. Оно предусматривает совместное ведение внешней политики, создание единого пространства обороны и безопасности, свободное пересечение границ, полную интеграцию таможенных органов Южной Осетии в таможенную систему России, создание совместного информационно-координационного центра Министерства внутренних дел, обеспечение пенсий и страхования для граждан, проживающих в Южной Осетии, со стороны России, а также сотрудничество в области экономики, инвестиций, образования, культуры, спорта и науки.⁶⁷

Соглашение между Россией и Южной Осетией заключено на 25 лет с автоматическим продлением каждые десять лет, если одна из сторон не уведомит другую о намерении выйти из соглашения не позднее чем за год до окончания срока действия.⁶⁸

С 2008 года Россия значительно увеличила своё влияние в Южной Осетии в военной, политической и экономической сферах. Одним из ярких свидетельств уровня контроля России над де-факто режимом является её прямая финансовая помощь Южной Осетии. С 2008 года эта помощь составляет 99% бюджета региона, причём более половины сотрудников органов управления региона являются гражданами России.⁶⁹ Европейский суд по правам человека (ECtHR) упоминает в своих решениях различные отчёты, подтверждающие зависимость Южной Осетии от России не только в экономическом и финансовом, но также в военном и политическом аспектах.⁷⁰ Россия контролирует принятие решений в таких ключевых областях, как охрана границ, поддержание общественного порядка и внешние отношения.⁷¹ Основным источником годового бюджета Южной Осетии остаются средства, поступающие из России.⁷²

⁶⁶ 'Putin Gives Green Light For Incorporating Some South Ossetian Units Into Russian Army', (*RFERL*, 20 March 2017) available at <<https://www.rferl.org/a/russia-south-ossetia-army-incorporation/28379998.html>>.

⁶⁷ Договор между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзничестве и интеграции 18 марта 2015 года <<http://kremlin.ru/supplement/4819>>.

⁶⁸ Там же, статья 15.

⁶⁹ South Ossetia: Rise of a New Politics and Foreign Policy' (*International Crisis Group*, 17 February 2012) available at <<https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/caucasus/georgia/south-ossetia-rise-new-politics-and-foreign-policy>>; 'South Ossetia: The Burden of Recognition' (n 60).

⁷⁰ Georgia v Russia (II) (n 49) paras. 167, 166, 168, and 174.

⁷¹ 'South Ossetia: The Burden of Recognition' (n 60). For a similar assessment of the Russian influence, see N. Kalandarishvili-Mueller, 'On the Occasion of the Five-year Anniversary of the Russian Georgian War: Is Georgia Occupied?', (*EJIL: Talk Blog*, 1 October 2013) available at <<https://www.ejiltalk.org/on-the-occasion-of-the-five-year-anniversary-of-the-russian-georgian-war-is-georgia-occupied/>>.

⁷² См., напр., данные за 2023 год: 'Separatist Tskhinvali Region Faces Significant Budget Deficit' (*Caucasus Watch*, 12 September 2023) available at <<https://caucasuswatch.de/en/news/separatist-tskhinvali-region-faces-significant-budget-deficit.html>>.

В марте 2022 года де-факто руководство Южной Осетии объявило о планах проведения референдума по вопросу присоединения региона к России. Однако впоследствии избранный де-факто президент отменил это решение, сославшись на «юридическую неопределённость последствий вынесенного на референдум вопроса».⁷³

Из вышеприведённых фактов следует, что Россия осуществляет оккупацию Цхинвальского региона/Южной Осетии через присутствие регулярных войск, что подкрепляется серией соглашений с сепаратистским регионом. Кроме того, местные вооружённые формирования также могут рассматриваться как силы, находящиеся под управлением России, учитывая их ограниченные размеры, высокий уровень координации с российскими вооружёнными силами, командные структуры, укомплектованные гражданами России, и военную и финансовую поддержку, оказываемую Россией. Всё это может быть приравнено к эффективному контролю России над де-факто режимом.

(с) Соглашение из шести пунктов о прекращении огня и его выполнение

Активная фаза вооружённого конфликта между Россией и Грузией в 2008 году завершилась так называемым соглашением из шести пунктов о прекращении огня.⁷⁴ Это соглашение является весьма сложным, включает в себя несколько документов и регулирует вопросы прекращения огня, гуманитарного коридора и принципов дислокации вооружённых сил Грузии и Российской Федерации. Несмотря на подписание акта, Российская Федерация нарушает множество положений, предусмотренных документом, в частности: российские вооружённые силы не вернулись на позиции, которые занимали до начала вооружённого конфликта; продолжаются похищения людей с оккупационной линии и лишение их свободы; ограничены перемещение грузов и людей с гуманитарной целью на оккупированных территориях.

Обязательство по выводу российских войск предусматривало их возвращение на позиции, которые они занимали до начала вооружённого конфликта в 2008 году. По различным данным, в ходе активных боевых действий Россия ввела на территорию Грузии около 30 000 человек личного состава, сотни единиц бронетехники и вооружений.⁷⁵ Пятый пункт соглашения именно и предусматривал обязательство вывести эти силы. Согласно выводам независимой комиссии по

⁷³ 'Crisis Watch: Georgia' (*International Crisis Group*) available at <https://www.crisisgroup.org/crisiswatch/database?location%5B%5D=62&date_range=last_12_months&from_month=01&from_year=2022&to_month=01&to_year=2022>; 'Georgia's South Ossetia cancels referendum on joining Russia', (*Al Jazeera*, 31 May 2022) available at <<https://www.aljazeera.com/news/2022/5/31/georgias-south-ossetia-cancels-referendum-on-joining-russia>>.

⁷⁴ Протокол соглашения с подписью Президента Французской Республики, 12 августа 2008 года, доступен по адресу: http://iccn.ge/files/6-point_plan_sarkozy_2008.pdf; Соглашение о мире из шести пунктов с подписями президентов Грузии и Французской Республики, 15 августа 2008 года, доступно по адресу: http://iccn.ge/files/6-point_plan_by_saakashvili_and_sarkozy.pdf; Соглашение Российской Федерации и Французской Республики с подписью Президента Российской Федерации, 16 августа 2008 года, доступно по адресу: http://iccn.ge/files/6-point_plan_signed_by_medvedev_august_2008.pdf

⁷⁵ Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia, (n **Error! Bookmark not defined.**) 216.

установлению фактов, Российская Федерация, вместо того чтобы отступить, наоборот, после прекращения огня заняла дополнительные территории, включая район Ахалгори, который был захвачен 16 августа.⁷⁶ Большинство российских войск отступили, и к 22 августа они покинули территории, контролируемые Грузией, сосредоточившись уже в пределах Цхинвальского региона/Южной Осетии.⁷⁷ Однако соглашение из шести пунктов предусматривало их возвращение на исходные позиции. 8 сентября 2008 года в Москве было достигнуто новое соглашение, согласно которому эти силы должны были в течение месяца покинуть места их временной дислокации.⁷⁸ 9 октября 2008 года Министерство иностранных дел России заявило, что российские войска покинули «приграничные зоны Южной Осетии и Абхазии».⁷⁹ По оценке Европейского суда по правам человека, к 10 октября 2008 года Россия завершила полный вывод своих войск из так называемых «буферных зон», за исключением села Переви (Сачхерский район), откуда российские силы вышли 18 октября 2010 года.⁸⁰

Пункт о выводе российских войск фактически включал возвращение войск на места дислокации, находящиеся на территории Российской Федерации, поскольку большинство из них вошли в Цхинвальский регион и Абхазию именно с территории России в ходе вооружённых действий. Однако на практике Россия трактовала этот пункт как вывод своих войск с территорий, находящихся под контролем центрального правительства Грузии. Соответственно, даже просто оккупация районов Ахалгори и Кодори означала нарушение этого соглашения.⁸¹ А последующее признание независимости этих территорий и постоянное военное присутствие на них фактически подорвало цель и дух соглашения из шести пунктов.

Шестипунктное соглашение имеет специфический юридический характер: ни на одном из документов не зафиксирована одновременная подпись сторон конфликта, а скорее совокупность четырёх независимых актов создаёт единое юридическое содержание.⁸² Частью этого же контекста является, хотя и в международно-правовом смысле нерелевантный и не имеющий юридической силы, документ о взятых на себя российской стороной обязательствах, подписанный Сергеем Багапшем и Эдуардом Кокойты.⁸³ Данная форма соглашения является своего рода гибридом, поскольку сочетает в себе элементы предварительных переговоров и

⁷⁶ Ibid, 219.

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ 'Russia Agrees Troops Pullout From Georgian Heartland Within "Month', RFERL, 9 September, 2008, available at:

https://www.rferl.org/a/Russia_Agrees_Troops_Pullout_From_Georgia_Heartland/1197424.html

⁷⁹ Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia, (n **Error! Bookmark not defined.**) 219.

⁸⁰ Georgia v. Russia (II), (n **Error! Bookmark not defined.**) para. 44.

⁸¹ David L. Phillips, (n **Error! Bookmark not defined.**) 9-10.

⁸² Там же.

⁸³ Соглашение Российской Федерации и Французской Республики с подписью Сергея Багапша и Эдуарда Кокойты, 16 августа 2008 года, доступно по адресу: http://iccn.ge/files/6-point_plan_signed_by_bagapsh_and_kokoity.pdf

субстантивного соглашения.⁸⁴ С одной стороны, акт носит декларативный характер, и в отличие от классического договора, его юридически обязывающая природа расплывчата. В частности, оба государства-участника конфликта независимо подписывают разные документы соглашения, и остаётся впечатление, что стороны воспринимают двусторонние обязательства односторонне и не обращают внимания на юридическое содержание соглашения с точки зрения другой стороны.⁸⁵ С другой стороны, соглашение заключено в письменной форме, его участвующие стороны — три государства (третье — Французская Республика в качестве посредника), а сфера регулирования является международно-правовой, соответственно, существуют все компоненты для придания документу статуса договора, определённого Венской конвенцией.⁸⁶ Несмотря на то, что в целом по международно-правовой категоризации мирных соглашений нет консенсуса,⁸⁷ признано, что соглашения, заключённые между государствами в рамках конфликта, квалифицируются именно как международные договоры.⁸⁸

Соглашение о прекращении огня имеет значение для настоящей статьи, поскольку важно определить, содержит ли оно положения, которые могут повлиять на интерпретацию статуса Абхазии и Южной Осетии как оккупированных территорий и на международно-правовой режим, применимый к этим территориям.

Несмотря на то, что большая часть соглашения посвящена применению силы и гуманитарным вопросам, его последний пункт содержит указание на необходимость начала международных обсуждений для долгосрочного обеспечения безопасности Абхазии и Южной Осетии. Следует отметить, что широкая интерпретация этого положения даёт основания для рассуждений о том, что в гарантии безопасности в будущем, возможно, будет подразумеваться размещение войск какого-либо иностранного государства в Абхазии и Южной Осетии. Если такое развитие событий произойдёт не по взаимному согласию сторон и, особенно, без согласия правительства Грузии, то любое решение будет считаться оккупацией этих территорий. Однако возможность практической реализации данного положения на данном этапе практически невозможна, после того как Российская Федерация грубо нарушила другие статьи соглашения и в одностороннем порядке признала независимость Абхазии и Южной Осетии. Соответственно, вероятные сценарии практического исполнения рассматриваемой нормы и их юридическая оценка на данном этапе будут лишь спекуляцией, и сложно рассуждать о фактических обстоятельствах, вероятность реализации которых на практике практически отсутствует в ближайшем будущем.

(d) Закон Грузии об оккупированных территориях

⁸⁴ Bell C., *Peace Agreements: Their Nature and Legal Status*, *The American Journal of International Law*, Vol. 100, No. 2 (Apr. 2006), p.376.

⁸⁵ Там же, стр.377.

⁸⁶ Vienna Convention on the Law of Treaties (1969), art. 1(a).

⁸⁷ Bell (n **Error! Bookmark not defined.**) 379.

⁸⁸ Bell C. Monty G. Marshall & Ted Robert Gurr, *Peace and Conflict 2005: A Global Survey of Armed Conflicts, Self-Determination Movements, and Democracy* (2005) 11-12. available at <<http://www.cidcm.umd.edu/inscr/PC05print.pdf>>.

Вскоре после вооружённого конфликта между Россией и Грузией, 23 октября 2008 года, Парламент Грузии принял Закон Грузии «Об оккупированных территориях». Преамбула закона ссылается на Гаагские конвенции, четыре Женевские конвенции и обычное международное гуманитарное право, объясняя, что в соответствии с этими источниками отдельные территории Грузии оккупированы военными силами иностранного государства.⁸⁹ Исходя из этого положения, можно считать, что закон в целом должен соответствовать требованиям указанных инструментов и норм.

Закон поясняет, что оккупированные территории включают Абхазию, Южную Осетию, морскую зону вдоль Абхазии (включая внутренние воды, территориальное море, исключительную экономическую зону и континентальный шельф) и воздушное пространство над соответствующими наземными и морскими территориями.⁹⁰ Закон распространяет специальный режим на эти территории на неопределённый срок, пока действует закон. Этот режим включает ограничения на некоторые виды деятельности.

Закон об оккупированных территориях основывается на основном принципе, что регионы Грузии — Абхазия и Южная Осетия — являются неотъемлемой частью Грузии и эти территории незаконно оккупированы. Это положение явно выражено в преамбуле закона с указанием на территориальную целостность и суверенитет Грузии и квалификацией присутствия вооружённых сил иностранного государства на этих территориях как «незаконную оккупацию территории суверенного государства».

Прежде всего, следует отметить, что в соответствии с международным правом на оккупированных территориях сохраняется действие только тех юридических актов, которые действовали до начала оккупации. Поскольку Закон Грузии об оккупированных территориях был принят после начала оккупации, его положения не будут применяться непосредственно на самих оккупированных территориях с точки зрения оккупационного права. Таким образом, оккупирующая держава не обязана выполнять Закон Грузии об оккупированных территориях в соответствии с международным гуманитарным правом. Цель закона — зафиксировать политическую позицию властей Грузии в отношении факта оккупации, а также урегулировать отношения с международными акторами и между контролируемой Грузией территорией и оккупированными территориями в рамках политики непризнания. Таким образом, закон представляет официальную позицию Грузии по вопросу оккупации и формально может применяться только на территориях, контролируемых Грузией.

3.3. Оценки международных акторов в отношении оккупации Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии

(а) Решения Европейского суда по правам человека, которые упоминают территории Абхазии и Южной Осетии как оккупированные после 2008 года

⁸⁹ Закон Грузии «Об оккупированных территориях», 23 октября 2008 г. № 431-Пс, преамбула.

⁹⁰ Там же, ст. 2.

Грузия активно использует Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) для юридической борьбы против Российской Федерации. Всего Грузия инициировала четыре межгосударственных дела в суде, из которых три завершились преимущественно в пользу Грузии, а одно было исключено из списка рассматриваемых дел в связи с урегулированием спорного вопроса.

Из четырёх дел против России только три касаются событий в Абхазии и/или Цхинвальском регионе. Одно из дел, связанное с похищением четырёх грузинских несовершеннолетних осетинскими формированиями в 2009 году, было исключено из списка рассматриваемых дел, так как вскоре после начала официальных процедур эти несовершеннолетние были освобождены осетинскими силами, и предмет спора исчез.⁹¹

Что касается второго дела, по которому Большая палата суда вынесла решение, оно напрямую касается предполагаемых нарушений прав человека Российской Федерацией в период войны 2008 года.⁹² Для вынесения решения по этому делу было необходимо рассмотреть правовой статус территорий Абхазии и Южной Осетии. В частности, как суд постановил на этапе рассмотрения приемлемости дела, вопросы контроля России над территориями Абхазии и Южной Осетии и степень этого контроля настолько тесно связаны с предполагаемыми нарушениями прав человека на этих территориях, что должны рассматриваться в совокупности при вынесении окончательного решения.⁹³ Это указывало на то, что суд не собирался обходить (и в принципе не мог обойти) вопрос о контроле Российской Федерации над грузинскими территориями. Потенциально это могло привести к признанию этих территорий оккупированными в соответствии с международным правом (суд уже имеет подобный прецедент в отношении Северного Кипра, когда прямо указал, что Турция оккупирует северную часть Кипра) или, как минимум, к установлению степени контроля, чтобы признать, что эти территории находятся под «эффективным контролем» России.

Именно так суд и поступил, установив как факт эффективного контроля, так и факт оккупации с момента прекращения активных боевых действий и до момента вывода значительной части российских войск из Абхазии и Южной Осетии (10 октября 2008 года).⁹⁴ Также суд прямо указал, что зависимость этих двух территориальных образований от России, а также заключённые между ними и Россией соглашения о сотрудничестве являются проявлением продолжительного «эффективного контроля» Российской Федерации над этими территориями.⁹⁵

Установление Россией эффективного контроля территории имеет важное значение для подтверждения факта оккупации. Хотя термин «оккупация» отсутствует в международном праве прав человека и встречается только в международном гуманитарном праве, концепция

⁹¹ *Georgia v. Russia (III)*, application no.61186/09, decision of the European Court of Human Rights, 16 March, 2010.

⁹² *Georgia v. Russia (II)* (n **Error! Bookmark not defined.**).

⁹³ *Georgia v. Russia (II)*, application no.38263/08, decision on admissibility, European Court of Human Rights, 13 December, 2011, paras. 63-68.

⁹⁴ *Georgia v. Russia (II)* (n **Error! Bookmark not defined.**) V.

⁹⁵ Там же. абзац. 174.

территориального контроля является общей для обеих областей международного права. Таким образом, степень территориального контроля, установленная в одной области права, может служить основанием для подтверждения оккупации в рамках другой области. Иными словами, признание Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ) Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии оккупированными территориями автоматически подразумевает, что Россия имеет эффективный контроль над этими территориями. Соответственно, с точки зрения международного права прав человека, ответственность за нарушения прав человека на этих территориях возлагается на Россию. Вместе с тем, осторожность суда в прямом упоминании оккупации после 10 октября 2008 года и сосредоточение на вопросе территориального контроля для целей права прав человека в гуманитарном праве интерпретируется именно как военная оккупация.⁹⁶

Эффективный контроль в сфере права оккупации и прав человека

Термин «эффективный контроль», используемый в праве оккупации, следует отличать от концепции «юрисдикции» в праве человека.

Европейская Конвенция по правам человека обязывает государства обеспечивать защиту гарантированных ею прав *всех лиц, находящихся под их юрисдикцией*. Классически это включает защиту прав на собственной территории государства, но существует и экстерриториальная юрисдикция, когда государство осуществляет контроль над лицами на территориях за пределами своих границ. ЕСПЧ не является органом, который определяет, имеет ли место оккупация территории одного государства другим. Основная задача суда заключается в том, чтобы установить, имело ли место нарушение прав лиц, находящихся под юрисдикцией государства-участника Конвенции.

Тем не менее, суду приходилось устанавливать экстерриториальную юрисдикцию государства в ситуациях, связанных с оккупацией территории одного государства другим. Однако такие выводы суда не рассматривают оккупацию и территориальный контроль непосредственно с точки зрения международного гуманитарного права, так как это выходит за рамки его мандата. Вместо этого суд использует понятия «**эффективный контроль**»,⁹⁷ «**общий контроль**»,⁹⁸ «**общее-эффективный контроль**»,⁹⁹ «**эффективное управление**» или «**решающий контроль**»¹⁰⁰ для

⁹⁶ Однако, исходя из практики суда, «эффективный контроль» является более широким понятием и не всегда подразумевает оккупацию. См. там же, абзац. 196.

⁹⁷ GRAND CHAMBER, CASE OF CHIRAGOV AND OTHERS v. ARMENIA, (Application no. [13216/05](#)), JUDGMENT (Merits), STRASBOURG, 16 June 2015, para 180. GRAND CHAMBER, CASE OF CATAN AND OTHERS v. MOLDOVA AND RUSSIA, Applications nos. [43370/04](#), [8252/05](#) and [18454/06](#), JUDGMENT, STRASBOURG, 19 October 2012, 1 para 122.

⁹⁸ COURT (CHAMBER), CASE OF LOIZIDOU v. TURKEY (PRELIMINARY OBJECTIONS), (Application no. [15318/89](#)), JUDGMENT, STRASBOURG, 23 March 1995, 2 para 58.

⁹⁹ CASE OF CYPRUS v. TURKEY, (Application no. [25781/94](#)), JUDGMENT, STRASBOURG, 10 May 2001, paras 76-77.

¹⁰⁰ CASE OF ILAŞCU AND OTHERS v. MOLDOVA AND RUSSIA, (Application no. [48787/99](#)), JUDGMENT, STRASBOURG, 8 July 2004, para 392.

подтверждения степени контроля, необходимой для установления юрисдикции. Однако суд ни в одном случае не утверждает, что эти стандарты идентичны тем, что применяются в международном гуманитарном праве.

Таким образом, когда ЕСПЧ устанавливает эффективный контроль, общий контроль или эффективное управление одного государства над территорией другого, это делается исключительно для определения экстерриториальной юрисдикции. Однако это не означает автоматического признания оккупации в понимании международного гуманитарного права.

(b) Позиция международных организаций и отдельных государств и их парламентов

Вскоре после вооружённого конфликта 2008 года Грузия начала активную работу в этом направлении, которая продолжается и по сей день. Первым и незамедлительным результатом этой работы стала резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) от 2 октября 2008 года о последствиях войны между Грузией и Россией. В тексте резолюции прямо указано, что широкомасштабное вооружённое нападение Российской Федерации повлекло за собой военную оккупацию территорий Грузии.¹⁰¹ За ней последовала в 2009 году резолюция той же Парламентской ассамблеи, которая уже конкретизировала, что бывшие зоны конфликта Абхазия и Южная Осетия в настоящее время являются оккупированными территориями.¹⁰² Парламентская ассамблея Совета Европы в последующие годы остаётся верна своему заявленному подходу к признанию конфликтных регионов Грузии оккупированными территориями, что отражено и в последующих резолюциях.¹⁰³

Совет Европы был одним из первых органов на международном уровне, признавших Абхазию и Цхинвальский регион/Южную Осетию оккупированными территориями; однако следует отметить, что резолюции, принятые Парламентской ассамблеей, не являются обязательными. Резолюции принимаются большинством голосов, что означает, что их текст и дух могут не отражать позицию всех государств-членов организации (тем более, когда в Парламентскую ассамблею входит и делегация Российской Федерации).

В отличие от резолюции Парламентской ассамблеи Совета Европы, ещё более жёстким был текст резолюции, принятой Европейским парламентом. Парламент прямо объявлял Абхазию и Южную Осетию оккупированными Россией территориями и возлагал на Российскую Федерацию ответственность за произошедшие там нарушения в соответствии с международным

¹⁰¹ Parliamentary Assembly of the Council of Europe, resolution 1633(2008) The consequences of the war between Georgia and Russia, para 6.

¹⁰² Parliamentary Assembly of the Council of Europe, Resolution 1647 (2009): Implementation of Resolution 1633 (2008) on the consequences of the war between Georgia and Russia, para.16.

¹⁰³ См., напр., Parliamentary Assembly of the Council of Europe, Resolution 1648 (2009): The humanitarian consequences of the war between Georgia and Russia; Parliamentary Assembly of the Council of Europe, Resolution 1664 (2009): Humanitarian consequences of the war between Georgia and Russia: follow-up given to Resolution 1648 (2009); Parliamentary Assembly of the Council of Europe, Resolution 1801 (2011): The honouring of obligations and commitments by Georgia.

правом.¹⁰⁴ Абхазия и Цхинвальский регион/Южная Осетия также упоминаются как оккупированные территории в последующих резолюциях и других документах Европейского парламента.¹⁰⁵ Однако следует отметить, что этот подход не был однозначно поддержан другими органами Европейского союза. Вероятно, это было одной из причин того, что в самом важном документе о сотрудничестве между Грузией и Европейским союзом — Соглашении об ассоциации,¹⁰⁶ Абхазия и Цхинвальский регион/Южная Осетия упоминаются не как оккупированные территории, а как регионы, над которыми Грузия не осуществляет полный эффективный контроль.¹⁰⁷ Несмотря на это, Европейский парламент продолжает называть российский режим оккупационным, а Абхазию и Южную Осетию — оккупированными территориями в своих последних резолюциях.¹⁰⁸

Вскоре после вооружённого конфликта 2008 года парламентский орган Организации Североатлантического договора также прямо признал Абхазию и Цхинвальский регион/Южную Осетию оккупированными территориями. В резолюции Парламентской ассамблеи НАТО, принятой в 2010 году, ассамблея выражает обеспокоенность гуманитарной ситуацией в оккупированных Абхазии и Южной Осетии.¹⁰⁹

Как и международные организации, парламенты нескольких государств-партнёров Грузии вскоре после конфликта приняли различные документы (постановления, заявления и т. д.), в которых Абхазия и Цхинвальский регион/Южная Осетия упоминаются как оккупированные территории.¹¹⁰

(с) Позиция Российской Федерации

¹⁰⁴ European Parliament resolution of 17 November 2011 containing the European Parliament's recommendations to the Council, the Commission and the EEAS on the negotiations of the EU-Georgia Association Agreement, paras. F, 1(g-h).

¹⁰⁵ См., напр., European Parliament resolution of 20 January 2011 on an EU Strategy for the Black Sea; European Parliament resolution of 9 June 2011 on the EU-Russia summit.

¹⁰⁶ Переговоры по Соглашению об ассоциации со стороны Европейского союза вела Европейская комиссия.

¹⁰⁷ ASSOCIATION AGREEMENT between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and Georgia, of the other part, art. 429(2).

¹⁰⁸ European Parliament resolution of 14 June 2018 on Georgian occupied territories 10 years after the Russian invasion (2018/2741(RSP)).

¹⁰⁹ NATO Parliamentary Assembly RESOLUTION 382 on THE SITUATION IN GEORGIA Presented by the Committee on the Civil Dimension of Security and adopted by the Plenary Assembly on Tuesday 16 November 2010, Warsaw, Poland, para.5.

¹¹⁰ Напр., см. SEIMAS OF THE REPUBLIC OF LITHUANIA, RESOLUTION ON THE SITUATION IN GEORGIA, 1 June 2010; The Parliament of the Czech Republic, Senate, 324th Resolution of the Senate on the situation in Georgia, 8 October 2009; Statement of the Estonia-Georgia Parliamentary Group of Riigikogu in connection with the second anniversary of the military aggression of the Russian Federation against Georgia, 8.08.2010; Statement of the Foreign Affairs Committee of the Saeima of the Republic of Latvia on support for the territorial integrity of Georgia, 15.06.2011; [The US Senate Resolution in support for Georgia](#), July 27, 2011; The Parliament of Romania, Resolution of the Senate on the situation in Georgia, 28 June 2010.

Как отмечалось выше, до 2008 года, несмотря на определённые незаконные действия (например, паспортизацию), Российская Федерация официально не оспаривала статус территорий Абхазии и Южной Осетии и считала их частью суверенной территории Грузии. Ситуация изменилась после вооружённого конфликта 2008 года, когда Россия признала как Абхазию, так и Южную Осетию независимыми государствами¹¹¹ и, фактически, тем самым закрыла путь для переговоров о любых модальностях возвращения этих территорий под контроль Грузии.

Несмотря на многочисленные призывы международных партнёров Грузии к пересмотру данного признания,¹¹² Россия твёрдо придерживается своей позиции, не изменяя её с 2008 года. Единственным исключением, которое может свидетельствовать о возможных отклонениях от этой позиции, является соглашение, подписанное в 2011 году между правительствами Грузии и Российской Федерации. Оно касается основных принципов мониторинга таможенного администрирования и товарооборота.¹¹³ Данное соглашение было заключено в рамках переговоров о вступлении России во Всемирную торговую организацию (ВТО), где Грузия, как член этой организации, не заблокировала вступление России. Взамен Россия обязалась осуществлять транспортировку грузов в соответствии с принципами совместного таможенного контроля, предусмотренными соглашением.

Хотя это соглашение касается исключительно вопросов таможенного контроля и не затрагивает позиции сторон в отношении суверенитета или территориальной целостности Грузии, оно включает важный момент: предусмотрена транспортировка грузов через заранее определенные таможенные коридоры. Эти коридоры проходят через территории Абхазии и Южной Осетии, но таможенное оформление грузов не осуществляется на данных территориях. Вместо этого груз регистрируется сначала на стороне России, а затем на территориях, находящихся под контролем Грузии.¹¹⁴

Согласие России на такие условия может косвенно свидетельствовать о признании территориальной целостности Грузии, включая Абхазию и Южную Осетию, либо, как минимум, о пренебрежении Россией собственным решением признать «независимость» Абхазии и Южной Осетии.

Несмотря на то, что данное соглашение пока не вступило в силу, и остается неясным, начнется ли вообще транспортировка грузов между Россией и Грузией в соответствии с ним, оно является важным юридическим документом. Он служит доказательством того, что даже Российская Федерация, одна из немногих стран, признавших независимость Абхазии и Южной Осетии,

¹¹¹ 'Russia Recognizes Abkhazia, South Ossetia' (Radio Free Europe/Radio Liberty, 26 August 2008) available at <https://www.rferl.org/a/Russia_Recognizes_Abkhazia_South_Ossetia/1193932.html>.

¹¹² 'EU Lawmakers Urge Russia to Reverse Recognition Of Abkhazia, South Ossetia Independence' (*Radio Free Europe/Radio Liberty*, June 14, 2008) available at <<https://www.rferl.org/a/eu-lawmakers-urge-russia-to-reverse-recognition-of-abkhazia-south-ossetia-independence/29290370.html>>.

¹¹³ <https://www.matsne.gov.ge/ka/document/view/1512898?publication=0>

¹¹⁴ Там же.

фактически игнорирует собственное решение. Это может стать важным аргументом в пользу Грузии в будущих дискуссиях о статусе этих территорий.

4. Когда заканчивается оккупация

4.1. Полное или частичное завершение оккупации

Военная оккупация продолжается до тех пор, пока оккупирующее государство сохраняет контроль над оккупированной территорией, а война не завершена, даже если единственным проявлением войны является сама оккупация. Существуют несколько формальных и фактических оснований для окончания оккупации:

Перемирие – обычно оккупация и война завершаются одновременно, что предшествует заключению мирного соглашения – перемирия. Перемирие может предусматривать согласие сторон конфликта на разнообразные условия, включая временное пребывание иностранных войск на территории и другие вопросы. Однако в конечном итоге всё завершается возвращением территории под контроль изгнанного суверена и восстановлением его управления.¹¹⁵

Прескрипция (приписывание) – теоретически возможно, что война завершается, даже с заключением перемирия, условия которого не касаются будущего статуса оккупированной территории, но оккупация продолжается, и суверен это положение не оспаривает. В таких условиях возникает ситуация, когда «оккупирующее государство непрерывно и мирно осуществляет власть над территорией в течение продолжительного времени». В этом случае государство может приобрести право на территорию через прескрипцию, но это зависит от наличия длительного мирного и бесспорного владения. В современном мире, где отсутствуют неосвоенные земли, а коммуникация между государствами является обычным явлением, вероятность завершения оккупации таким образом крайне мала. Однако даже в этом случае право на самоопределение народа, проживающего на оккупированной территории, не должно быть проигнорировано.¹¹⁶

Вывод оккупационных сил – оккупирующее государство может покинуть территорию до завершения войны, прекратив эффективный контроль над ней. Это может произойти на основании промежуточных соглашений между сторонами конфликта. Чаще всего оккупированная территория или её часть освобождаются в результате успешных контропераций изгнанного суверена (самостоятельно или с союзниками), после чего оккупант отступает. Кроме того, оккупирующее государство может принять одностороннее решение покинуть территорию, даже без явных военных поражений или восстаний, по политическим или стратегическим причинам.¹¹⁷

¹¹⁵ Dinstein (n **Error! Bookmark not defined.**) 290-91.

¹¹⁶ Ibid, 291-92.

¹¹⁷ Ibid, 292.

Обязательное решение Совета Безопасности ООН – события в Ираке и реакция Совета Безопасности на них показали, что военная оккупация может быть завершена по "приказу" Совета. В резолюции №1546 от 2004 года Совет приветствовал установление даты завершения оккупации Ирака, после которой присутствие коалиционных сил на территории страны считалось бы приглашённым новым правительством Ирака. На практике, конечно, такой сменой статуса мало что изменилось. Эти силы продолжали подавлять оставшиеся очаги сопротивления и осуществляли определённые административные функции на месте. Следовательно, оккупация может считаться завершённой только формально.¹¹⁸

Частичное прекращение оккупации:

Соглашение сторон – частичный вывод войск с оккупированных территорий может быть основан на соглашении между сторонами. Например, в 1979 году между Израилем и Египтом было достигнуто соглашение, в результате которого Израиль в течение трёх лет покинул Синайский полуостров. Также можно привести пример 90-х годов, связанный с тем же Израилем и «Ословскими соглашениями», когда Израиль вышел с Западного берега и сектора Газа, передав часть полномочий палестинцам. В этом случае важно отметить, что до тех пор, пока государство-оккупант полностью не утратит эффективный контроль над оккупированной территорией или её частью, оккупацию нельзя считать завершённой.¹¹⁹

Военные столкновения – частое изменение линии фронта во время войны не является чем-то необычным. Подобные военные манёвры могут временно распространяться и на оккупированные территории. Утрата оккупантом эффективного контроля над определённым участком территории указывает на прекращение оккупации в этом месте, независимо от ситуации на других участках.¹²⁰

Одностороннее решение государства-оккупанта – для рассмотрения этой формы частичной деокупации можно вернуться к наиболее интересному и уникальному случаю, когда Израиль в 2005 году в одностороннем порядке покинул сектор Газа, оставил все жилые строения и инфраструктуру и заявил, что больше не является государством-оккупантом этого сектора.¹²¹ Однако, как отмечалось выше, оккупация сектора Газа со стороны Израиля всё ещё юридически подтверждалась на основании функционального подхода.

4.2. Правовые последствия прекращения оккупации

С фактическим прекращением военной оккупации на территории восстанавливается изгнанный суверен. Соответственно, с прекращением оккупации прекращается и власть оккупирующего государства. Исходя из этого, как правило, любое специальное законодательство, принятое военной администрацией в соответствии с Гаагскими регуляциями, утрачивает силу, если восстановленный суверен не примет иного решения. Часто существуют серьёзные

¹¹⁸ Ibid, 293-94.

¹¹⁹ Ibid, 294-96.

¹²⁰ Ibid, 296.

¹²¹ Ibid, 296-303.

прагматические причины для аргументации такого поведения суверена. Несомненно, отмена всего законодательства за один день не будет считаться рациональным шагом. Это решение напрямую зависит от периода оккупации и других обстоятельств. По этому же принципу возможно увольнение назначенных оккупантом судей и государственных служащих, если суверен не сочтёт более целесообразным временно оставить их на местах.

В целом, период после деоккупации включает аннулирование всех действий, совершённых оккупирующим государством в нарушение международного права. Однако несомненно, что этот процесс на практике будет по-разному отражаться в соответствии с местной правовой системой. Наконец, следует отметить, что действия, совершённые оккупирующим государством в соответствии с правом военной оккупации (налоговые, судебные, административные и другие), не могут быть отменены сувереном.¹²²

Тест исключения Намибии

Согласно статьям об ответственности государств за международно-противоправные деяния,¹²³ все государства обязаны не признавать законным положение, созданное в результате серьёзного нарушения императивной нормы международного права, и не оказывать никакой поддержки или помощи для сохранения этого положения.¹²⁴

В целом, согласно международному праву военной оккупации, все действия оккупирующей силы автоматически не считаются незаконными. Если оккупант действует в рамках полномочий, предоставленных ему Гаагскими регуляциями и 4-й Женевской конвенцией, такое действие является действительным, и признание его последствий не противоречит международному праву. Согласно принципу *ex injuria jus non oritur*¹²⁵, незаконные действия режима недействительны и не порождают никаких правовых последствий. Однако, согласно принципу *ex factis jus oritur*, некоторым действиям незаконного режима может быть придана юридическая сила, несмотря на статус этого режима.¹²⁶

Например, если военная оккупация является незаконной и резко осуждается международным сообществом, государства обязаны не признавать незаконные действия оккупанта, за исключением случаев, когда такое признание необходимо для благополучия местного населения, находящегося под оккупацией. Этот подход подробно рассмотрен Международным Судом ООН в консультативном заключении по Намибии и было принято решение, известное как исключение Намибии, согласно которому незаконное действие, совершённое незаконным оккупационным режимом, может быть действительным, если оно не причиняет вреда

¹²² Eyal Benvenisti, 'The Law of Unilateral Termination of Occupation' in *Tel Aviv University Law Faculty Papers no 93 (2008)*, 283-5

¹²³ (n **Error! Bookmark not defined.**).

¹²⁴ Ibid, art.41(2).

¹²⁵ "law (or right) does not arise from injustice" — право (или право) не возникает из несправедливости.

¹²⁶ Crawford, J. *The Creation of States*, (Oxford University Press, 2006) 166-167; Jennings, R.Y. 'Nullity and Effectiveness in International Law' in *Cambridge Essays in International Law: essays in honour of Lord McNair (London, 1965)*, 75.

коренному населению. По мнению суда, это исключение может распространяться на такие действия, как, например, регистрация рождений, смертей и браков, игнорирование последствий которых только нанесёт вред населению территории.¹²⁷ Перечень таких действий, составленный судом, не является исчерпывающим и может использоваться только в качестве руководящего принципа; однако очевидно, что действие оккупанта, нарушающее норму *jus cogens*, ни в коем случае не будет действительным, даже если оно не вредит местному населению.¹²⁸

Следовательно, когда оккупация признана полностью незаконной, это не освобождает оккупанта от обязательств, предусмотренных правом оккупации. Оккупант по-прежнему обязан соблюдать правила оккупации, а также обязан соблюдать всё международное гуманитарное право, независимо от легитимности оснований начала вооружённого конфликта.¹²⁹

Незаконное военное присутствие иностранных войск на территории другого государства не освобождает оккупанта от его обязательств и ответственности перед населением оккупированной территории или перед другими государствами в связи с осуществлением полномочий на этой территории.¹³⁰ Основанием для ответственности государства является эффективный контроль над территорией, независимо от того, установлен ли этот контроль на законных или незаконных основаниях с точки зрения международного права.¹³¹

Следует отметить, что оккупация является фактическим состоянием, регулируемым международным гуманитарным правом, так же как и любые другие военные операции. Гуманитарное право применяется равным образом ко всем сторонам конфликта, независимо от законности причин войны или других обстоятельств. Чтобы определить законность действий государства-оккупанта (в отличие от законности его постоянного пребывания на оккупированной территории), главным вопросом является соблюдение им норм права оккупации в конкретных случаях.¹³² Полномочия оккупанта существенно ограничены: он обязан поддерживать статус-кво.¹³³ Однако это не препятствует оккупационной власти вносить определённые изменения, которые необходимы для благополучия населения оккупированной территории или для удовлетворения военных нужд оккупационных войск. Такие меры по своей природе не должны постоянно изменять статус-кво.

Меры, принимаемые оккупационной властью в соответствии с ограничениями, установленными правом оккупации, сохраняют свою силу, несмотря на общую незаконность оккупации. С другой стороны, действия, нарушающие обязательства оккупанта, считаются недействительными. Тем

¹²⁷ *Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South-West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970), Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1971*, p. 16, para.125.

¹²⁸ Yael Ronen 'Status of Settlers Implanted by Illegal Territorial Regimes' in *British Yearbook of International Law*, vol.79, no.1, (2008), 232-233.

¹²⁹ Eliav Liebllich and Eyal Benvenisti, *Occupation in International Law* (Oxford University Press, 2022) 35.

¹³⁰ Legal Consequences Arising from the Policies and Practices of Israel in the Occupied Palestinian Territory, Including East Jerusalem (Advisory Opinion) [2024] General List No 186 (AO) [261].

¹³¹ Ibid, para. 264.

¹³² Benvenisti and Liebllich (n **Error! Bookmark not defined.**) 32.

¹³³ Hanne Cuyckens (n **Error! Bookmark not defined.**) 72-73.

не менее, как упоминалось ранее, в соответствии с так называемым Намибийским исключением, некоторые акты незаконного оккупанта всё же могут быть признаны действительными, если они соответствуют интересам местного населения.¹³⁴

Обязанность не признавать последствия незаконной оккупации распространяется на весь факт незаконного присутствия оккупационных сил, но это не означает, что каждое отдельное действие государства-оккупанта должно быть проигнорировано. Как уже отмечалось, фактически меры, принятые оккупационной властью в соответствии с требованиями права оккупации, остаются в силе, и третьи стороны могут признавать такие действия, даже если они отвергают законность самой оккупации.

Оккупация может быть признана незаконной, если она нарушает императивные нормы международного права, такие как запрет на использование силы или право народов на самоопределение. Непризнание оккупации, возникшей в результате незаконного применения силы, означает отказ от признания любого статуса, полученного в результате такого применения силы, а также игнорирование любых претензий оккупационных сил на установление суверенитета над оккупированной территорией.¹³⁵

4.3. Вероятные сценарии деоккупации Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии

Основываясь на концепциях права оккупации, рассмотренных в данной статье, в заключение представлены возможные варианты развития событий в будущем в направлении деоккупации Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии, а также элементы, которые должны присутствовать в таком случае, чтобы юридически оккупация считалась завершённой.

Поскольку перспективы деоккупации обоих регионов на момент написания статьи довольно туманны, нижеприведённые случаи представляют собой возможные варианты гипотетического развития событий, и эти варианты расположены в случайном порядке:

Сценарий №1:

Воинские части Российской Федерации поэтапно покидают территорию Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии, однако контроль России над де-факто режимами по-прежнему сохраняется.

При таком развитии событий следует учитывать, что военное присутствие России на оккупированных территориях не всегда необходимо для установления факта оккупации. Как рассматривалось во второй главе статьи, оккупация может иметь место и без размещения военных войск на территории. Следовательно, если будет подтверждено, что российского военного присутствия на оккупированных территориях больше не фиксируется, необходимо проверить, осуществляет ли Россия общий или эффективный контроль над де-факто правительствами. Если это подтвердится, то оккупация не будет считаться завершённой.

¹³⁴ (n **Error! Bookmark not defined.**).

¹³⁵ Yael Ronen, 'Illegal Occupation and Its Consequences' in *Israeli Law Review* 41 (2008) 234.

Сценарий №2:

Контроль Российской Федерации над де-факто режимами ослаблен, но её военные базы по-прежнему остаются на территории Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии.

В этой ситуации важно установить, достигает ли степень контроля Российской Федерации общего или эффективного контроля. Если это не подтвердится, то оккупация может считаться завершённой, однако наличие военных баз указывает на два факта: (1) непосредственно территория, где расположены военные базы, сама по себе считается оккупированной, поскольку эти базы находятся там без согласия Грузии; (2) если эти базы и размещённый на них военный персонал имеют возможность в любой момент занять дополнительные территории и установить эффективный контроль над всем регионом, то, согласно тесту «дистанционного» контроля, вся территория всё равно будет считаться оккупированной.

Сценарий №3:

Россия объявляет о своем одностороннем выводе военных частей с территорий Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии, но неизвестно, остаётся ли на этих территориях военный персонал.

Прежде всего, следует отметить, что у России есть обязательство по выводу военных баз с территории Грузии ещё с 1999 года, когда стороны договорились, что база, расположенная в Гудауте, должна быть выведена Россией в установленные сроки.¹³⁶ Россия это обязательство не выполнила. Сознательное затягивание Российской Федерацией процесса закрытия военной базы в Гудауте было официально оценено Грузией как грубое нарушение суверенитета Грузии, открытая поддержка абхазского сепаратистского режима и попытка узаконить фактическую оккупацию и аннексию части территории Грузии после этнической чистки, осуществлённой в Абхазии в 1992-1994 годах.¹³⁷ Россия фактически никогда не выводила базу в Гудауте, хотя утверждала обратное, но из-за невозможности инспектирования существование базы официально не могло быть подтверждено.¹³⁸ После признания Россией Абхазии независимым государством она уже на основании «соглашения», заключённого с ней, формально восстановила своё военное присутствие в Гудауте и, по её же утверждению, делает это по «приглашению» Абхазии.

Следует отметить, что «соглашения», заключённые Российской Федерацией с Абхазией и Цхинвальским регионом/Южной Осетией, согласно международному праву, не являются международными договорами, поскольку они заключены не между двумя суверенными государствами. Кроме того, данное действие не направлено на благополучие местного населения, а служит военным интересам России, следовательно, согласно праву оккупации, это будет считаться действием, выходящим за пределы полномочий оккупирующей силы, что

¹³⁶ Joint Statement of The Russian Federation And Georgia, Istanbul, 17 November 1999 available at <<https://www.peaceagreements.org/viewmasterdocument/1704>>.

¹³⁷ <https://www.matsne.gov.ge/ka/document/view/41020?publication=0>

¹³⁸ <https://www.facebook.com/notes/378518460189221/>

является недействительным. Грузия никогда не давала России согласия на какое-либо военное присутствие России на своей суверенной территории (кроме миротворческих сил, которые были размещены в Абхазии и Южной Осетии до 2008 года), наоборот, с момента восстановления независимости Грузия постоянно указывала на необходимость вывода российских военных баз с территории страны. Соответственно, для установления факта деокупации необходимо достоверно установить, что Российская Федерация в одностороннем порядке вывела все базы, расположенные на оккупированных территориях, в частности, в Гудауте и Цхинвали.

Сценарий №4:

Территория Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии демилитаризована и временно передана под управление Организации Объединённых Наций.

Следует отметить, что администрирование определённой территории Организацией Объединённых Наций (или любой другой международной организацией) не считается оккупацией. Несмотря на то, что у изгнанного суверена нет контроля над этими территориями, управление международной организацией не равнозначно акту оккупации. Подобная практика встречалась в Косово,¹³⁹ также была попытка установить подобный режим и в городе Иерусалиме.¹⁴⁰

В случае с Абхазией и Цхинвальским регионом/Южной Осетией для установления на этих территориях управления международной организацией необходимо, прежде всего, полностью вывести оттуда вооруженные силы иностранного государства (в данном случае Российской Федерации) с этой территории и одновременно передать гражданское управление в руки международной организации, что исключает установление Россией над ней общего или эффективного контроля. Подобные миссии, как правило, должны быть учреждены обязательной резолюцией Совета Безопасности ООН.

Сценарий №5:

Россия вывела свои силы с территории, и факт контроля ею де-факто режимов больше не подтверждается.

Рассматриваемый сценарий с большой вероятностью указывает на наличие всех необходимых элементов для деокупации территории, но и в этом случае правительство Грузии, возможно, не сможет полностью восстановить контроль над Абхазией и Цхинвальским регионом/Южной Осетией, если они по-прежнему будут контролироваться де-факто режимами (даже без поддержки со стороны России). В подобной ситуации территория будет считаться деокупированной, но находящейся под контролем негосударственной группировки. Следует отметить, что во время классической оккупации изгнанный суверен должен восстановить контроль над оккупированной территорией, чтобы оккупация считалась завершённой, но в таком случае, как в Абхазии и Цхинвальском регионе/Южной Осетии, этот элемент может быть

¹³⁹ UNMIK Fact Sheet, available at <<https://peacekeeping.un.org/en/mission/unmik>>.

¹⁴⁰ United Nation General Assembly, resolution no 181(II) adopted on 29 November 1947, part III.

выполнен не полностью, поскольку де-факто режимы по-прежнему остаются у власти на занятых территориях.

Односторонний вывод Россией своих сил может быть вызван её собственным решением или на фоне растущего протеста населения Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии. Протесты против России уже вызывали волнения, особенно в Абхазии, где попытки России открыто продвигать свои интересы, как правило, становятся причиной масштабных протестов. Яркими примерами этого являются инициированный де-факто правительством Абхазии, но инспирированный Кремлём так называемый закон об «иностранных агентах», обсуждение которого было отложено на неопределённый срок, вероятно, именно из-за протестов оппозиции.¹⁴¹ Также решение о передаче государственной резиденции в Пицунде в собственность России,¹⁴² которое де-факто парламент Абхазии принял на фоне масштабных протестов и предполагаемого давления со стороны России.¹⁴³ А затягивание принятия так называемого «закона об апартаментах» на фоне масштабных протестов¹⁴⁴ стоило Абхазии прекращения финансовой помощи со стороны России.¹⁴⁵ Проект закона предоставляет нерезидентам, прежде всего россиянам, возможность упрощённой покупки квартир в Абхазии.

Эти примеры подтверждают, что в отличие от Цхинвальского региона/Южной Осетии, который сам стремится войти в состав Российской Федерации,¹⁴⁶ в абхазском обществе антироссийские настроения усиливаются, поскольку им становятся ясны цели российской аннексионной политики, которая явно не рассматривает Абхазию как независимое государство.

Для того чтобы оккупация территории Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии была признана завершённой, должны быть выполнены следующие кумулятивные элементы:

- Российская Федерация должна полностью вывести все военные базы и военные подразделения с территорий Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии;
- Российская Федерация не должна осуществлять общий или эффективный контроль над де-факто правительствами Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии;

¹⁴¹ 'Sokhumi is delaying the consideration of the foreign Agents law. At the same time, pressure on NGO operating in occupied Gali' (*Democracy Research Institute*, 24 May 2024) available at <<https://www.democracyresearch.org/eng/1468/>>.

¹⁴² <https://presidentofabkhazia.org/upload/iblock/f62/Ratifikatsiya-Soglasheniya-2023.pdf>

¹⁴³ 'Ongoing Protests in Abkhaz Over Pitsunda State Dacha Agreement' (*Abkhaz World*, 26 December 2023) available at <<https://abkhazworld.com/aw/current-affairs/2635-ongoing-protests-in-abkhazia-over-pitsunda-state-dacha-agreement>>.

¹⁴⁴ 'Clashes between "Law Enforcement," People over "Apartment Law" in Occupied Abkhazia' (*Civil.ge*, 17 July 2024) available at <<https://civil.ge/archives/616584>>.

¹⁴⁵ 'Kremlin Suspends Funding of Occupied Abkhazia' (*Civil.ge*, 4 September 2024) available at <<https://civil.ge/archives/622602>>.

¹⁴⁶ 'Georgia's South Ossetia plans to take steps to join Russia' (*Al-Jazeera*, 31 March 2022) available at <<https://www.aljazeera.com/news/2022/3/31/georgias-south-ossetia-plans-to-take-legal-steps-to-join-russia>>.

- Центральное правительство Грузии, как изгнанный суверен, должно восстановить свой контроль над указанными территориями (хотя этот элемент может отсутствовать, и территории могут оставаться под управлением сепаратистских режимов).

В качестве альтернативы, территории Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии могут быть временно переданы под управление ООН или другой международной организации. В этом случае оккупация также будет считаться завершённой, и территория начнёт управляться международной организацией.